

УДК 821.161.1

Н.В. БАРКОВСКАЯ,
*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой современной русской литературы
Уральского государственного педагогического университета
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)*

«ЧУЖИХ ДЕТЕЙ НЕ БЫВАЕТ»: ПРОБЛЕМЫ УСЫНОВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

На материале современных повестей для подростков рассматривается проблема неполных семей и усыновленных детей. Анализируемые произведения предлагают разные сценарии психологической адаптации приемных детей. Основное внимание уделено повести Д. Сабитовой «Где нет зимы»: особенности субъектной организации, семантика образа «Дома», функция заглавия.

Ключевые слова: приемные дети, современная проза, Дина Сабитова, подростковая повесть, хронотоп дома.

В повести Т. Михеевой «Легкие горы» главный авторитет в семье, бабушка Тася, произносит мудрые слова: «Чужих детей не бывает». Проблемы неполных семей, социальных сирот, приемных родителей и усыновления остро стоят в нашем обществе. Л. Луныкова отмечает рост «материнских» семей; статистические данные свидетельствуют, что 63,3% детей воспитываются в семье с одним родителем; негативной тенденцией является рост социального сиротства [2, с. 62, 79]. Естественно, что эта тема широко представлена в современной прозе, особенно в книгах, адресованных подросткам. Можно назвать повести Тамары Михеевой «Легкие горы» [2], Романа Федина «Один день Дениса Ивановича» [5], Дины Сабитовой «Где нет зимы» [4]. В принципе, проблемы везде похожие: бытовые сложности и трудность психологической адаптации – и для взрослого (приемного родителя), и для ребенка, особенно, если в семье есть еще дети. «Общим местом» в подобных произведениях – знаком единения – стала отмечаемая внешняя похожесть ребенка и приемного родителя: в повести Р. Федина Денис с замиранием сердца замечает сходство с приемным отцом, в повести Т. Михеевой Динка, приемная девочка, кажется всем очень похожей на бабушку Тасю в детстве. Сквозной деталью во многих произведениях является старая игрушка, которую ребенок-сирота бережет как собственную, личную вещь, как способ самоидентификации, как напоминание о прошлой жизни. В повести Михеевой «Легкие горы» Дина не расстается с желтым облезлым зайцем. В очень напряженный момент, когда наказанная девочка кричит приемной маме, что она ее не любит, мама показывает старую пластмассовую куклу, случайно попавшую под руку, рассказывает, как в детстве мечтала об этой кукле, копила деньги, даваемые на завтрак, наконец, купила ее. А теперь старая облезлая кукла пылится, брошенная, на чердаке. И Дина забирает ее, укладывает на ночь рядом со своим зайцем, потом обновляет красками лицо куклы, чтобы подарить маме на день рождения. Любопытна такая деталь, как повторяющийся набор профессий приемных матерей: либо парикмахер, либо художник-оформитель. Общий смысл всех этих повестей – решение судьбы чужого ребенка становится поворотным не только для усыновленного, но и для членов приемной семьи: раскрываются талан-

ты родных детей (художника, музыканта, фотографа...), ранее скрываемые или даже подавляемые взрослыми, полагавшими, что такие творческие профессии в будущем не дадут возможности материального благополучия. «Мысли семейной» сопутствуют образы природы: уральские горы, сосны, травы, ягоды в повести Михеевой, картина грозы в финале повести Федина, старый сад в повести Сабитовой. Как правило, переломным становится какой-то драматический эпизод, требующий сплочения и самоотдачи от всех: болезнь одного из членов семьи, борьба с браконьерской рубкой леса, стычка с наглым богатеem. Главное, в финале всех подобных произведений восстанавливается семейный лад, атмосфера взаимопонимания, душевного тепла; нередко завершает произведение ситуация праздника (Новый год, день рождения), и даримые подарки становятся знаками любви и понимания.

Подробнее остановимся на повести Дины Сабитовой «Где нет зимы». Это небольшая по объему, «очень тонкая и реалистическая сказка» (как сказано в аннотации), предназначенная для старшего школьного возраста. В повести рассказана трагическая история брата и сестры, оставшихся полными сиротами, но рассказана без «чернухи» – детей окружает самый нормальный мир, хорошие люди (и директор школы, и учительница, и директор приюта, и соседи). Одна из нравственных идей повести, как кажется, в том и заключается: несчастье может случиться вдруг, совсем не обязательно какие-то экстремальные обстоятельства, и нужно не падать духом, нельзя терять себя.

Павел (13 лет) и его сестренка Гуль (8 лет) после смерти бабушки Шуры остаются одни. Их мама, несостоявшийся художник, нервная и депрессивная, пропала, видимо, покончила с собой. Павел остается за взрослого. Стоит лето, Гуль ходит в школьный городской лагерь, там детей кормят. Павел как можно дольше растягивает макароны и сахар, нашедшиеся на кухне, потом пробует даже воровать рис в магазине, чтобы им с Гуль кашу сварить. Затем детей забирают в Центр временного содержания, впереди их ждет детский дом. Директор приюта, добрая и умная женщина, сумела связаться с отцом Павла, живущим со своей семьей в Красноярске. Этот Алексашин приезжает, готов усыновить Павла, забрать с собой. Однако Павел без сестры ехать отказывается. Потом мама одноклассника Гуль, Мишки Гуренкова, хотела удочерить Гуль, но, поняв, что детей разлучать нельзя, поколебавшись, решила все-таки усыновить обоих, забрать к себе. Но у Павла и Гуль одна мечта – вернуться в свой старый деревянный дом, где жили и бабушка, и мама, и без которого они не могут. И вот тете Мире пришлось из благоустроенной квартиры переехать в этот дом (хотя ее родной сын, Мишка, очень не хотел – он-то к своей комнате привык), где нужно печку топить, где удобства в пристройке, где холодные полы, где нужно чистить снег во дворе. Казалось бы, должен наступить счастливый конец. Но тут начались свои трудности – психологически героям очень сложно приспособиться друг к другу. Павла раздражает, что Мишка его не любит, неаккуратно ест, зло смотрит, молчит. Ему не нравится, что Мира вечно опаздывает на работу, роняет крошки, вообще неорганизованная. Мира чувствует себя чужой, в гостях, а не дома, ей нередко хочется побыть одной. Однако постепенно члены новой семьи привыкают друг к другу, налаживают совместный быт. Главное, они готовы в любую минуту прийти на помощь друг к другу. Поворотным моментом как раз и стала болезнь Гуль – ее увезли с аппендицитом, Мира ночевала в больнице, Павел с Мишкой оставались одни, мальчики чуть не подрались, но сумели переломить себя, наладить контакт. В конце повести говорится о том, что уже зима, скоро Новый год, герои втайне друг от друга приготовили небольшие подарки, как раз такие, которые обрадуют, которые свидетельствуют о внимании друг к другу, понимании души каждого, настоящем внимании и чуткости. Мира при этом вовсе не чувствует себя героиней, она не могла поступить иначе, она понимает, что нужно не копать в «тонкостях трепещущей души» [4, с. 171], а просто жить: пироги печь, пуговицы пришивать, на родительские собрания ходить, печку топить, снег расчищать.

Итак, тема весьма актуальная: дети-сироты, их судьба, ответственность взрослых, сложности усыновления, неполные семьи (без мужа была баба Шура, Павел и Гуль – от разных отцов, с которым мать из гордости не поддерживала никаких отношений, у Миры Мишки тоже растет без отца; ср. в повести Михеевой у бабы Таси трое детей были от разных мужей, ей тоже пришлось их растить одной).

Главный герой повести – Павел, на которого и легла вся ответственность за их с сестрой судьбу. В этом «женском мире» Павел – единственный мужчина, и показано его постепенное взросление, хотя он с самого начала серьезен не по возрасту. Своеобразие повести Сабитовой в том, что не Павел с сестрой становятся приемными детьми (хотя юридически это именно так), а Мира с Мишкой становятся членами его семьи, приняты в его дом.

Дом – главная ценность для Павла и Гуль. Дом старый, деревянный, с садом и печкой: «В нашем доме на чердаке лежат связки журналов чуть ли не за пятьдесят лет. В нашем доме пахнет масляной краской в комнате мамы, черносливом и медом в комнате бабушки, леденцами в комнате Гуль, сушеным укропом на кухне, а когда топишь печи, пахнет дымком и осенними листьями. <...> В нашем доме в окна террасы лезут черемуха и сирень, ирга и вишня, а из моей комнаты виден кусок сада, где растет старая груша. В нашем доме скрипят половицы, особенно в коридоре и бабушкиной комнате, и все время что-то шуршит...» [4, с. 131–132]. В конце повести, замерзший, уже в темноте, весь в снегу после неудачной прогулки на лыжах (когда Кира его бросила), Павел выбирается к дому: «И наконец я вижу старую грушу, навалившуюся на сломанный штакетник, засыпанные снегом кусты и свой дом. Окна бабушкиной комнаты светятся, отбрасывая на снег теплый свет. <...> И вдруг мне кажется, что в доме поет Шура» [4, с. 173]. Это по радио передают то танго, что пела когда-то бабушка, а Мира, подпевает, при этом подшивает шторы «цвета густого прозрачного меда и апельсиновых корок», с которыми в детстве у нее связывалось представление об уюте и тепле семейной жизни. В повести Евгении Басовой «Уезжающие и остающиеся (ЩИ)» [1] героиня, девочка из бедной семьи, учится в престижной гимназии. Она запомнила пояснение учительницы словесности об однокоренных словах *сокровище* – *кров* – *кровь*: «Кровь неотделима от нас. Пока человек жив, в нем течет его кровь. Так и кров неотделим. Нельзя порывать со своими родными местами, со своим родным кровом. Наши предки были мудры. Они понимали: сокровище там, где ваш дом» [1, с. 57].

Павел лишен нормальной семьи, рано повзрослел (когда забирает Гуль после уроков, учительница шуточно здоровается с ним: «Здравствуйте, Павел Васильч!»), он все время чувствует себя ответственным за сестренку, что приводит к размолвкам с Кирой, высокомерной одноклассницей, недовольной тем, что Павел из-за сестры не может пойти с ней в кино или кафе. Дом становится для этих детей больше, чем просто жилищем, он для них живой, это их мир, где под крыльцом живет семейство жуков, где манекены бабушки портнихи – Дуся, Люся и Нюся – даром, что без голов, зато с яркими характерами и жизненными историями, где домовый Аристарх Модестович, бывший «библиотечный» из отдела рукописей и редких книг, перебравшийся после пожара в библиотеке в этот дом, рассказывает Павлу семейную предысторию. Раньше этот район города назывался Профессорская слобода, прадедом Павла и Гуль был профессор Тирсов, историк. В 1921 г. и его, и его молодую жену расстреляли, а ребенок, Сашенька, будущая баба Шура, спасся благодаря тому, что прислуга Зина Соловьева выдала ее за свою дочь. Вот потому-то фамилия бабы Шуры – Соловьева. Про деда, мужа Шуры, домовый не стал рассказывать – им мог быть и репрессированный, и погибший на фронте. От прежнего времени сохранилась только старая груша в саду. Кукла Лялька, которую баба Шура сшила когда-то для заболевшей ветрянкой Гуль, является оберегом, хранительницей дома. Кукла умеет разговаривать, но слышала ее только Шура, а после смерти бабушки – Гуль. Узнав в приюте о смерти мамы, Гуль замолчала, словно бы погрузилась в сон, все дальше уходя в свои грезы. Павел, сбегав из приюта, сумел пробраться в дом, принести сестре куклу – и Лялька вернула Гуль к жизни.

В начале повести Павел только испытывает гордость, узнав о прадеде-профессоре, однако полагает, что может обойтись без взрослых. Он не чувствует ничего к Алексашину, своему неожиданно объявившемуся отцу, только надеется сначала, что тот приедет к ним жить и отремонтирует дом. Общаясь по скайпу с Кемалем, отцом Гуль, он не сказал ему ничего о дочери, полагая, что этот далекий человек им не нужен, и только Мира потом настояла на том, чтобы и Кемаль, и Гуль узнали о существовании друг друга. Мира объяснила Павлу: «Человеку нужны корни. Ты станешь старше – поймешь. Это в детстве кажется, что ты сам по себе и в центре вселенной. А потом видишь: ты связан с другими людьми тысячами ниточек, тут связан, там... И каждая такая нитка, если оборвана, взрослым че-

ловеком воспринимается как очередная горькая потеря...» [4, с. 145]. Итак, дом является высшей ценностью, дом (посредством домового, благодаря кукле Ляльке) спасает детей в трудную минуту.

Павел взрослеет за полгода, описанные в повести. И главное, с чем он сумел справиться, это снобизм. Павел хорошо учится, очень много читает, у него отличная самодисциплина – без сомнения, его ждет научная карьера. Не случайно Мира дарит ему на Новый год архив профессора Тирсова, который она начала собирать в университетской библиотеке. Но в начале повести Павел чересчур строгий, раздражительный, сосредоточенный на себе и их с Гуль проблемах. Ему не раз говорят, что он ведет себя так, будто ему не тринадцать, а сто тринадцать лет. Постепенно он начинает понимать, как тяжело дается резкая смена образа жизни и Мишке, и Мире. Переломным в отношениях с Мишей стал момент, когда Павел оценил его талант, увидев, как мальчик играет на бабушкином пианино, играет без нот, грустно и хорошо. И Павел решил показать Мише свои рисунки, волнуясь, понравятся ли они ему. Мира работает парикмахером, эта работа кажется Павлу слишком обыденной, он полагает, что при такой работе люди интересуются только кроссвордами, любовными романчиками и телесериалами. Мира, возмущившись, не выдержала и показала ему свой университетский диплом социолога, объяснив, почему не работает по специальности, и бумага с печатью удивила Павла и заставила более уважительно относиться к Мире. Однажды он нашел в мамином столе письма от школьных подруг. С презрением мальчик отозвался Мире об этих письмах, наивных, глупых... Вот они Умберто Эко явно не читали! На что Мира посоветовала не насмехаться над бедными глупыми маленькими девочками, совсем не обязательно, что из них вырастут, как полагает Павел, тупенькие тетеньки, занятые сканвордами и гороскопами. Мира даже жалеет, что показала Павлу свой диплом социолога, пусть бы лучше мучился: «...ах, как же это так, я такой тонкий, а приходится жить с безграмотным простонародьем!» [4, с. 161]. Павел словно забыл, что его бабушку спасла прислуга, назвав своей дочкой. Девочка Кира, в которую влюблен Павел, высокомерно отзывалась об одноклассниках – «одноклеточные». Узнав, что Павлу грозит детский дом, она перестала отвечать на его звонки. Сам Павел понимает: «...жизнь у нас слишком разная. У нее Шекспир, а у меня впереди детдом» [4, с. 140]. Кира лето провела в Англии, в языковом лагере, а Павел в приюте для сирот. Потом Павел смог вернуться в свою школу, отношения, вроде бы, наладились, но опять встречаю с Кирой мешали заботы о сестре. Письмо с объяснением Кира написала Павлу, как сама говорит, по-простому, без умных цитат из умных книг – да, просто, но зато по-английски. Характерно, что Кире Павел свои рисунки никогда не показывал. В конце повести Павел окончательно понимает, что Кира ему не пара, нечего тянуться за ней, нужно жить своей жизнью, с людьми, тебе близкими. На Новый год Павел подарит Мире ее портрет, будет волноваться, понравится ли ей. Как-то в кафе к Мире подошел странный бомж (слишком «старорежимный» – уж не домового ли Аристарх Модестович?) и обратился к ней с вопросом: «Это ваши дети, мадам?». Когда Мира ответила утвердительно, старик сказал, что «мадам выпало в жизни феноменальное счастье» – «дети, мадам, это главное жизненное счастье и богатство» [4, с. 138]. Ср.: в повести Е. Басовой богатенькая соседка завидует Свете, бьющейся с детьми на свою зарплату оформителя, и говорит, что Света – везучая: семья у нее дружная, дети хорошие.

Каков же конфликт в повести? То, что умерла бабушка, очень печально, но это – «обыкновенная история». А вот то, что мама покончила с собой, бросив детей на произвол судьбы, это трагедия. Баба Шура не могла понять, чего не хватает в жизни ее дочери – дети у нее прекрасные, а она все мечется, мечется... Оба отца (Алексашин и Кемаль) говорили о гордости (гордыне!) мамы, не хотевшей принимать ни малейшей помощи от них. Трагедия мамы – это трагедия таланта, не получившего реализации и признания. Павел хотел пойти в художественную школу, мама категорически запретила. Во-первых, художник – не профессия, профессия, говорит мама, это юрист, или бухгалтер, или даже водитель троллейбуса: «Я хочу, чтобы у тебя была нормальная, более реальная и счастливая жизнь» [4, с. 35]. Во-вторых, мама с презрением отозвалась о художественном училище: «Толпа учеников в школе вокруг дурацкого натюрморта – это... это стадо» [4, с. 35]. Павел по мере развертывания сюжета освобождается от высокомерия по отношению к «быдлу», не читающему по-английски и не интересующемуся У. Эко, начинает уважать «простых» людей.

Подлинная интеллигентность не предполагает конфликта Героя и Толпы, свободна от высокопоздобного презрения к обывателю. В повести Д. Сабитовой, как и в других подобных произведениях, есть краткие предыстории старших в семье, как правило, бабушек. Через драматизм их судеб входит трагическая история России XX в., обусловившая преобладание «материнских» семей (революция, раскулачивание, уничтожение духовенства, репрессии, война, позднее – криминальные 90-е годы). Баба Шура в повести Сабитовой представлена настоящей главой семьи. Она казалась странной, не вполне нормальной. Работать ей довелось много кем, но истинное ее призвание – шитье, она была прекрасной портнихой. И сама она наряжалась в яркие платья с глубоким вырезом, голыми плечами, длиннющей широкой юбкой с оборками, курила мундштук, терпеть не могла готовить, прекрасно пела романсы и песни из кинофильмов 1930-х годов, гадала на картах, как цыганка. И так, Шура – не как все, к тому же, как позднее выяснилось, дочь профессора, но она совсем не высокомерна и не заносчива, в полной мере разделила все общенародные беды и лишения. Заглавием повести стала строчка из песни «Танго Петера», текст песни полностью приводится в конце книги, с примечанием, что это танго из музыкальной кинокомедии «Петер» (1934), текст записан со старой пластинки, где это танго исполняла Л.П. Борисоглебская. С этим танго в повесть входит мотив маски, подменной роли, скрытых за показным весельем слез и сердечных ран, а также надежда на то, что сбудется «радость счастливых снов» в краю, «где нет зимы». Благодаря соотносению со старым кинофильмом, яснее проступает историческая подоснова сюжетных коллизий. В старом фильме героини – бабушка и внучка, причем девушка вынуждена переодеться в мужской костюм и стать Петером; у Сабитовой – бабушка и внук, тем самым, еще отчетливее звучит мысль о необходимости прервать цепочку «материнских» семей, вынужденного женского одиночества – Дому нужен мужчина.

В повести три повествователя: Павел, Гуль и кукла Лялька. Маленькая Гуль – самая беззащитная из героев произведения, по-детски смотрящая на мир, непосредственная и ранимая. Кукла Лялька – мудрый домашний «бог», оберег, субститут бабы Шуры, единственный взрослый «человек», оставшийся с детьми-сиротами. Лялька дважды спасает Гуль, с ней разговаривают и Павел, и директор приюта, и Мира – хотя и не могут слышать ответов куклы. Лялька – зверушка неизвестной породы, сделанная Шурой из лоскутков фетра, фланели, шелка, кружев, разноцветных пуговиц. Она откровенно противопоставлена покупной Барби, к которой Гуль вполне равнодушна. Лялька философски смотрит на жизнь, вот, например, как она характеризует момент своего появления в руках бабушки-демиурга: «...и было утро, и был вечер. И был день первый» [24, с. 6]. Лялька говорит, что у кукол нет души, а значит, она не сможет встретиться с Шурой там, после смерти. Но она говорит Шуре, что ее ждут зеленый сад, качели под яблонями, музыка и теплый ветер, там цветет сирень, в воздухе паутинки, потому что стоит бабье лето. Каждый после смерти попадает туда, куда хочет попасть. Лялька беспокоится о том, успела ли мама детей подумать перед смертью о том, куда бы она хотела попасть. В конце повести Лялька говорит, что Мира и Шура наверняка нашли бы общий язык. Голоса Гуль и Ляльки аккомпанируют голосу Павла, поддерживая его и оттеняя некоторые акценты, смягчая его юношеский максимализм.

Книга Дины Сабитовой поднимает, в общем-то, «взрослые» проблемы: в чем суть истинной интеллигентности, каковы условия реализации таланта, отношение художника и окружающих людей, иерархия жизненных ценностей. Поскольку в центре повествования находится все же голос Павла, именно ему приходится принимать решения (ни Гуль, ни Лялька этого сделать не могут), то еще один важнейший вывод можно сформулировать так: Дому нужен мужчина.

Список использованной литературы

1. Басова Е. УезающИе и остающИеся (ШИ) / Е. Басова // Сб. произведений финалистов Международной детской литерат. премии им. В.П. Крапивина сезона 2010 года. Том II. – Екатеринбург: Генри Пушель, 2011. – 240 с.
2. Лунякова Л. «Чем мужика кормить, лучше ребенка воспитывать одной»: социальный портрет материнских семей / Л. Лунякова // Семейные узлы: модели для сборки: сб. статей. Кн. 2. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 60–82.
3. Михеева Т. Легкие горы / Т. Михеева // Урал. – 2010. – № 6. – С. 9–45.

4. Сабитова Д. Где нет зимы / Д. Сабитова. – 2-е изд. – М.: Самокат, 2013. – 176 с.

5. Федин Р. Один день Дениса Ивановича / Р. Федин // Сб. произведений финалистов Международной детской литературной премии им. В.П. Крапивина сезона 2010 года. Том II. – Екатеринбург: Генри Пушель, 2011. – 240 с.

На матеріалі сучасних повістей для підлітків розглядається проблема неповних родин та усиновлення дітей. Твори, що аналізуються, пропонують різні сценарії психологічної адаптації прийомних дітей. Особливу увагу приділено повісті Д. Сабітової «Де немає зими»: особливості суб'єктивної організації, семантика образу «Дому», функція заголовка.

Ключові слова: прийомні діти, сучасна проза, Діна Сабітова, підліткова повість, хронотоп дому.

The article deals with the problem of one-parent families and foster children depicted in contemporary novelettes for teenagers. The analyzed works provide us with different mechanisms of foster children psychological adaptation. The research is mostly focused on «The place without winter», novelette written by Dina Sabitova. Such issues as the peculiarities of subjective narrative organization, semantics of a «house» image, function of a title have been given our special attention.

Key words: foster children, contemporary prose, Dina Sabitova, teen novelette, chronotope of a house.

Одержано 15.02.2013.